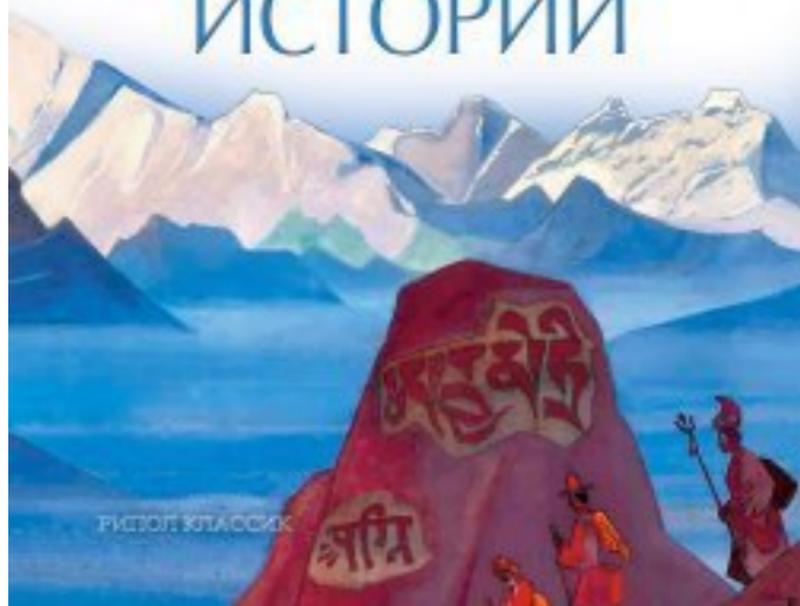


Л. Халловой, М. Чаттерджи

ЧЕЛОВЕК:
ФРАГМЕНТЫ
ЗАБЫТОЙ
ИСТОРИИ



РИСОВАНО: КЛАССИК

**Лора Халловой
Мохини Чаттерджи
Человек: Фрагменты
забытой истории**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=297822

Л. Халловой, М. Чаттерджи. Человек: Фрагменты забытой истории:

РИПОЛ классик; Москва; 2008

ISBN 978-5-386-00958-8

Аннотация

Имеет ли человек небесное происхождение или же он развился из животного в результате эволюции? Ответ на этот вопрос, волнующий многих людей в наши дни, давно известен восточным посвященным. В этой книге он впервые был в развернутой форме представлен западному миру. Изначально человек был существом только духовным, но прошёл множество ступеней духовной эволюции, прежде чем смог жить в физических телах, которые тоже менялись сообразно стадии его развития. Исчезнувшая цивилизация Атлантиды является одним из таких прошедших периодов, ее сменила арийская цивилизация. Книга дополнена описаниями типичных цивилизаций периода Атлантиды, сделанных знаменитым ясновидящим Чарльзом Ледбитером.

Содержание

От переводчика	4
Введение	6
Предисловие, написанное восточным челой	9
Предисловие, написанное западным челой	15
Глава I. Предварительные замечания	28
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Л. Халловой, М. Чаттерджи

Человек: Фрагменты забытой истории

Эта книга, опубликованная в 1887 г., с любовью посвящается двумя учениками из Теософического Общества Елене Петровне Блаватской, отважной ученице махатм и верной служительнице человечеству.

От переводчика

Эта книга была первой в серии книг, в которых предпринимается попытка дать очерк развития человека как существа с оккультной точки зрения. За ней последовали многие другие, и прежде всего – «Тайная доктрина» Е. П. Блаватской. Потому книга была практически забыта и долго не переиздавалась. Тем не менее многие идеи, потом прочно вошедшие в эзотерическую литературу, впервые были опубликованы именно в ней. После первого выхода книги в свет Е. П. Блаватская просмотрела ее и внесла многочисленные правки, надеясь, что они будут учтены во втором издании. К сожалению, такое исправленное издание, по-видимому, так и не было осуществлено, а правки Блаватской лишь много

лет спустя были опубликованы в томе ее писем к Синнетту. Данное второе русское издание учитывает основные замечания Блаватской, но поскольку исправления не были внесены при жизни авторов и одобрены ими, самые серьезные из них даются здесь в виде сносок. Уточнения, остающиеся в пределах нюансов перевода, были внесены в текст. Несмотря на отдельные неточности, даже в таком виде эта книга представляет большую ценность. В «Письмах махатм» имеется следующее замечание Кут Хуми о ней: «Мне следует спасти пятимесячный труд Мохини, и я не допущу, чтобы он остался неопубликованным».

Введение

Авторы отказываются от всяких претензий на большее, чем лишь набросать общие черты предметов, описанных на этих страницах. Тем не менее они сознают, что мир в эти поздние времена готов принять так мало истины о происхождении и детстве человека, что с недовольством рассматривает все, что выходит за пределы самых туманных предположений и смутных набросков, и всегда готов осудить то, что он назвал бы легковерным безрассудством тех, кто отважится предпринять тщательное исследование областей, которые он признает недоступными.

Небольшая группа эзотерических учителей, наследников тайных знаний веков, до последнего времени единственным способом к сохранению этих знаний находила молчание. Но для мира пришло время получить часть накопленных ими богатств. Однако выбор данного метода, столь отличного от всех предвзятых представлений о порядке вещей, непременно вызовет чувства самые разнообразные. Естественно, появится вопрос: почему для возрождения забытых преданий они не совершат открытия древних книг и рукописей, аутентичность которых нельзя будет отрицать, если нынешнему поколению вообще следует преподавать историю происхождения и детства его предков? Однако аллегорический характер древних писаний, делающий их непонятными для всех

читателей, кроме посвященных, не позволяет принять такой порядок действий – оттого и необходимость того плана, который и был принят.

В данной книге предпринимается попытка показать человечеству, каким был человек за века до той поры, которая обычно признается эрой первого его появления на Земле; и сведения о его постепенном росте и условиях, в которых он на ранних этапах происходил, окажутся весьма интересными и поучительными – даже в нашем скудном отчете.

Здесь нас, вероятно, спросят: каков ваш источник информации и кто ваши учителя? Они – мудрецы Востока, наследники знаний древних магов, халдеев, египтян и индийских риши, от одного из которых, любимого и почитаемого нами Учителя, известного многим как на Востоке, так и на Западе, авторы и получили наставления, часть из которых представлена миру на последующих страницах. Авторы удовлетворены точностью, если не полнотой, представленной здесь информации, и они передают ее с искренней надеждой, что мир ради собственного просвещения примет ее к непредвзятому и мудрому рассмотрению, невзирая на несовершенства, причиной которых послужили недостатки авторов.

Авторы совершенно не знали друг друга до последней осени, и обстоятельства, которые свели их вместе, будут изложены в последующих предисловиях. Мистический исследователь психологии, знающий неадекватность стиля сухого изложения фактов для представления событий психического

характера, вряд ли потребует оправдания той форме, в которой изложены эти рассказы.

Предисловие, написанное восточным челой

Солнце садилось за высокие сосны, гигантскими часовыми охранявшими маленький домик, спрятавшийся в сердце Гималаев, но вечернее сияние, прощальный привет уходящего светила, все еще виднелось на верхушках деревьев. Маленький пастушок, который верно хранил секрет этого одинокого приюта от ушей жестоких охотников, чьи полночные крики пугают годовалых оленят и чьи смертоносные ружья вновь и вновь лишают их матери, только что принес известие о том, что неподалеку расположилась компания английских чиновников, собравшихся снова нарушить покой холмов своим дурным развлечением, и что их можно ожидать завтра. Как только маленькая фигурка рискованного парня, спускавшегося с опасной скалы уверенным шагом горного козла, товарища его детства, скрылась в сгущающихся тенях наступающей ночи и последняя нота его простой дудочки стихла в тишине, к одинокому обитателю этого уединенного домика, ученику, склонному к мистицизму и медитации, подкралась усталость.

Он не был рожден для мистицизма, но был приведен к нему. Его глаза впервые увидели свет среди суматохи и движения большого города, его шаги пролегли по запружен-

ным толпами улицам, а его ум получал наставления за многими старыми партами. Время оставило на нем отпечаток, который глубоко въелся в его душу. Но не нужно вникать в происхождение изучающих Священное Предание и любопытной рукой разгребать пепел погребальных костров прошлого. Достаточно сказать, что медленное растворение эгоизма шаг за шагом толкало мистика прочь от деловых улиц повседневной жизни, а постоянно расширяющийся круг долга заставил разорваться старые связи, и прежнее узкое сердце разлетелось на куски. Поддержанный традициями своего народа и ободренный благожелательной улыбкой того, чье имя не стоит подвергать профанации путем упоминания здесь, мистик вступил на восходящий путь служения своей стране и своим сородичам, хотя не обошлось и без остановок, вызванных печалью и отчаянием от лицемерия страданий и греха. Растущая безмятежность его жизни только углубляла в его душе сострадание к тем, чей путь столь расходился с его собственным. Да, такой человек должен быть несчастен, хотя дух его – сама сущность блаженства! Но Вечная Необходимость непрестанно движет свой уток прогресса через несовершенство и разлад.

Развертываются темные циклы нисхождения, и наши руки, пусть и вооруженные энергией самопожертвования, зря цепляются за спицы колеса! Оно будет вращаться до последнего оборота, и мы лишь располагаем привилегией продолжать свою работу в молчаливом ожидании того дня, когда

этот непреодолимый ход примет обратное направление. Но даже сейчас нам доступна слава бескорыстной смерти! О смерть, глубоко сокрытая дева, сколь немногие видели очарование в твоём лице! Сколь немноги те преданные, кому улыбнулись твои темные глаза! Как ни сладка жизнь, но еще слаще смерть!

Сколь немногие понимают смерть! Никто из тех почти бесчувственных и легкомысленных англичан, чьи костры мерцают во тьме долины подобно огненным глазам какого-то жестокого чудовища, не знают торжественного великолепия смерти, которую они, смеясь, расценивают как хорошее средство против других.

Тайна смерти есть величайшая тайна из всех.

Устремленные в прошлое глаза того брахмана, который только что совершил омовение в священных водах Ганга, обращаются в немом воззвании к богам отцов, к обликам ныне разрушенных храмов, возведенных благочестивыми руками древних, и невольные слезы стекают по его щекам, ибо он скорбит о своей стране, как об умершей. Робкий и близорукий человек! Разве Индия мертва из-за того, что кормит чужих детей? Если бы ты мог оказаться на вершине гребня волны времени, ты бы увидел, как разгорается новый рассвет, более яркий и чистый, чем эти холмы когда-либо видели! Человек! Всякий человек – твой брат! Дай своему брату то, чего у него нет, и восполни собственный недостаток из того, что он предложит тебе. Правая рука должна помогать ле-

вой, Восток должен быть соединен с Западом, молодой должен соединить руки со стариком, и тогда красота и гармония улыбкой расцветут на лице Земли...

Но что за резкий крик нарушил покой этого мирного пейзажа? Плывая темной массой в безмятежном море лунного света, гималайский орел, распугивая дрожащие тени ночи, разбудил эхо, отражающееся от каждого ущелья и каждой скалы. Но куда более пронзителен тот крик отчаяния, который доносится с западным ветром от несчастных жертв, блуждающих раздетыми и голодными среди разваливающихся руин веры и мысли. Потоки доносящихся звуков перемешаны и неотчетливы, но крик души всегда находит свой путь к другим душам, чьи двери не заперты и окна не закрыты. Но громче всех слышится ясный голос великих сердец, стучащихся в ворота самозванных принцев мысли в тщетной попытке найти отклик и отбрасываемых назад, к черным скалам отчаяния, где им остается ожидать прихода прожорливого дракона духовной смерти.

Среди психической войны элементов и всепоглощающего умственного землетрясения, подобно лучу серебристого света, в ум ученика врывается голос его Учителя:

«Иди и будь верен обету, который ты принес человечеству. На запад лежит твой путь. Возьми этот пострадавший во многих местах свиток, и неизвестный, хотя и родственный, дух принесет недостающие фрагменты. И тогда откроются тебе вещи, которые ты дотеле искал тщетно. Не задумывайся»

мывайся о завтра и не медли здесь ни одного дня – путь твоего долга ведет на запад...»

Далеко-далеко в Новом Свете, в городе восходящего солнца, ждала одинокая душа, которая, похоже, свалилась из какой-то другой сферы и заблудилась в странной стране. Ее крик о помощи был услышан, и слова, вырвавшиеся у нее в сомнении и ошеломлении, пронеслись через долгие пространства моря и суши.

Видение затухало в волне возвращающегося рассудка, но ухо еще слышало стихающие слова: «Путь твоего долга ведет на запад».

Послушные шаги повели ученика на запад, и он оказался среди злосчастного великолепия Парижа. Ах, Париж, Париж! Ты должен умереть, чтобы могла жить Франция! Одинока Франция среди своих многочисленных врагов, но худший из них – ты!

Как привидение посещал он дома, где царили удовольствия и достаток, и повсюду он воспринимался скорее как таинственная рука, начертывавшая судьбу ассирийскому царю, чем как человек, желающий помочь.

И однажды вечером, среди веселья парижского салона, где было все, чтобы очаровать разум и отвратить душу, легкий голос произнес его имя: «Приди, приди и помоги мне!»

Этот отдаленный голос заглушил музыку и скрыл фигуры танцующих. Он уже не слышал ярких острот и не замечал веселых товарищей. Двое незнакомцев встретились и боль-

ше не были незнакомцами; части соединились, и разорванный свиток стал целым.

Этот таинственный свиток весь был написан причудливыми знаками на неизвестном языке. Раскрытие его смысла стоило соученикам, встретившимся в чужой стране, многих дней и ночей кропотливой работы. Следующие страницы представляют ее результат.

Предисловие, написанное западным челой

Ветры мрачного зимнего дня кружили в воздухе метель, пока весь мир не стал казаться обернутым в пушистые облака. И под ногами, и над головой все было белым-бело, все блистало снежинками, которые множились и множились в бесконечных формах, покрывая землю подобно тонкой ткани. Была зима, и зима в климате негостеприимном и суровом даже в лучших своих проявлениях – зима на севере, где слишком много холодных ветров, а лето длится совсем недолго. Этот день, похоже, соединил в себе неприятность пурги и свинцовый свет раннего утра, оправдав прогнозы знатоков погоды, пророчивших вероятность вторжения воздуха из полярных областей. Он пришел, быстрый и плотный, охватил землю и исчез в ее захватывающих объятиях. Так было поначалу, но постепенно старая мать-земля все больше уставала от таких повторяющихся визитов, и его маленькие посланцы уже стали собираться на ее груди, плотно прижимаясь друг к другу, пока она уже совершенно не скрылась из виду и ее бурой природы было уже не видеть человеку. Мир застелило снегом, и небо, похоже, никогда не уставало сеять его через пространство, покрывая его чистотой темные пятна и неестественные линии улиц и дорог.

Это был день для медитации и мечтаний, время для спокойных быть в покое, для ясных умом – удалиться в свое внутреннее Я, будучи в полной безопасности от внешних вторжений со стороны обыденной жизни. Для довольных это был день мира и общения с лучшими мыслями, которые можно было призвать, пока мирские заботы временно отступили. А для души это была возможность утвердить себя и голосом, в котором нет и тени неуверенности, говорить сквозь толстые стены чувств, которые долгое время ее голос заглушали.

В этом обширном городе, свои права на который заявил снег, была одна душа, смотревшая через свои тонкие окна на сцены жизни и радовавшаяся этой внешней буре, давшей возможность для внутреннего спокойствия. Ее жилище было довольно хлипким и дрожало на сильном ветру, о чем свидетельствовал шум, врывавшийся в окна и двери. Задумчиво глядела она на открывавшийся вид, пока головокружение не заставило ее глаза закрыться, а сердце – вздохнуть от мыслей сожаления о голодных бедняках, живших в тесноте и нездоровой обстановке, о маленьких детях, чьи нежные тельца дрожат и чьи печали только усиливаются присутствием столь прекрасного посетителя и которых трудно развлечь, если не пригласить их ласково к теплому камину. Все эти мысли заполнили усталый мозг и заставили руки сжиматься до боли. Но этим сожалениям, более чем бесполезным, поскольку они всегда лишь ослабляют и подавляют, не было

позволено задерживаться долго, поскольку была работа для рук и для ума и были нерешенные задачи, требовавшие внимания. Но то ли из-за воздействия бурной погоды на перенапряженный организм, то ли из-за чувства беспомощности, пришедшего от осознания человеческих страданий, которые нельзя отворотить, руки не могли писать, мозг отказывался работать, и пассивный ум погрузился в мечтательную дремоту, которая, похоже, углублялась в сон. Это могло бы стать обычным полуденным сном, но ему не было суждено быть таким, поскольку, когда закрывающиеся веки почти сблизились, а губы разомкнулись, не мешая дыханию склонившегося тела, таинственное нечто пробудило спящие чувства и, подобно вспышке молнии, заставило покинуть полулежачее состояние и выпрямиться в нетерпеливом ожидании.

В комнате был кто-то еще, и в этом не могло быть сомнений, но кто? И откуда он пришел и как? Закрытая дверь не двигалась, и ни звука не слышалось в холлах и коридорах, которые разнесли бы эхом человеческие шаги или отозвались бы на звук голоса. Тишина была глубокой и нарушалась лишь щелчками снежинок по оконным стеклам и завыванием порывов ветра, проносящихся по улицам и врывавшихся через щели. Внутри же была тишина, глубокая и почти мистическая, и она была внезапно нарушена восклицанием засыпающей, которое последовало в ответ на видение столь живое и яркое для чувств, но туманное для понимания.

Что за картина явилась! Там, где только что было пустое

место, появилась фигура восточного мудреца. Он был грациозен в движениях, его лицо выражало благосклонность, и открытым, искренним взглядом смотрел он на удивленное лицо, которое было перед ним. В руке он держал пергамент, похожий на книгу, и через руку было переброшено белое одеяние, спадавшее почти до пола, если не касавшееся его. Длинные ниспадающие волосы покрывали его плечи, а на ногах были восточные сандалии. Вероятно, небольшой посох коричневого дерева, который он нес с собой, источал тонкий и острый аромат, поскольку вся атмосфера была наполнена этим запахом, который успокаивал расстроенные чувства.

Он стоял, похоже, не сознавая, что может кого-либо удивить своим видом, и мягко обратился к своей слушательнице. Он являл собой самое восхитительное воплощение покоя, которое только можно представить. Под длинной белой накидкой просвечивала желтая тибетская куртка, и гималайский мех, которым она была оторочена, давал отблески, когда он немного менял положение во время самых ярких моментов своей речи. Он держался легко, с достоинством и учтивостью, что успокоило слушательницу, которая полностью осознала необычайность его присутствия, и столь поразительными были слова, слетавшие с его уст, что приковали бы к себе внимание, даже если бы сам он был незаметен. Такой голос, столь мягкий и негромкий, она услышала в первый раз. В нем была какая-то музыкальность, сопровождавшая слова, когда они слетали с его губ, как будто он говорил

издалека и они отдавались в пространстве.

«Какой странный призрак, наверно, каприз фантазии» – такой была мысль, которую он увидел в мозгу своей слушательницы. Он тут же указал на стену над собой, где появилась надпись причудливыми письменами, которая в переводе гласила: «Нет на Западе благоволения неизвестному учению».

«Что за неизвестное учение?» – пронеслось у нее в уме.

Незнакомец улыбнулся и ответил: «Это суть всех учений, внутренняя истина всех религий – у нее нет символа веры, названия, ей не учат жрецы и священники, потому что она от духа, и ее не найти в храмах или синагогах. Это лишь тихий голос, слышимый в урагане и чувствующийся в шторме. Вы невольно воззвали ко мне, в чем-то более сильному, чем вы, о заботе о беспомощных и доме для бездомных. Ваше сердце выдохнуло свою молитву, душа почувствовала ее в окружающей атмосфере, и дух ободрился столь чистым дыханием, вознесшимся из низшего царства в высшее, от тела к душе, а оттуда – в область духовную».

Продолжив свою речь, он учил о тайне человеческого бытия, происхождении человека, его росте и его судьбе, и сказанные им слова записаны на этих страницах. Учитель часто возвращался и давал своей старательной ученице наставления из столь тщательно хранимой древней книги. Он учил законам жизни языком столь мудрым, что ум, выбранный для этого наставления и почтительно внимавший ему, про-

никся убежденностью в этой высшей истине. Уроки давались из вечера в вечер и встречались неизменным терпением со стороны их странной получательницы, и с мягкой нежностью он по капле увеличивал и развивал ее интуицию, чтобы она могла усвоить предложенное ей высшее знание. Работа продолжалась с переменным успехом и была завершена. Проходили недели, на протяжении которых таинственный учитель возвращался, пользуясь всякой представившейся возможностью, и глубоко и мудро объяснял все то, смысл чего давался ученице с трудом. Повседневные дела, которые поглощают лучшую часть почти каждой жизни, много раз врывались, вызывая перерывы и задержки, прискорбно мешавшие этому необычайному обучению.

Но однажды всему этому настал конец. Учитель больше не приходил. Сомнения и опасения, беспокойство и иллюзии мирского ума расстроили лучшие его усилия, и он увидел тщетность попыток научить мудрости натуру, разделенную и восставшую против себя почти во всем.

Но он не оставил своего дела – он послал вестника, юношу из его собственной страны, и этот посланец со всем старанием и доброжелательностью стал наставлять ученицу в Священном Предании, но это дело, как нетрудно догадаться, для него оказалось вовсе не таким, как для его учителя.

Осознание этого факта часто мелькало в уме ученицы, и однажды, как бы в ответ на ее мысль, он обратил ее внимание на противоположную стену, где, как по волшебству, на белой

поверхности появились сияющие буквы:

«Испытание на настоящее ученичество – это верность интересам другого».

Иными словами, бескорыстное послушание пожеланиям его учителя стало для него путем роста и развития, и так загадка его присутствия против его личного хотения была решена. Он, улыбаясь, признал верность этого заключения и, когда приобрел еще больше доверия своей подопечной, разрешил множество загадок, разъяснение которых неосязательно поднимало душу ученицы и укореняло в ней высокие и хорошие устремления.

И пришел день, когда его визиты прекратились, и ничто не могло возместить разочарования, кроме уверенности в том, что в далекой стране учитель ожидал ее возвращения и что там уроки будут продолжены и писание завершено.

Но стоило ли повиноваться призраку? Чтобы пройти путь, указанный его воздушными пальцами, нужно было избавиться от уз, которые не так-то легко разорвать, полностью оставить в стороне все мирские соображения и положиться на себя в такой степени, которая не знакома никому, кроме переживших полное предательство. И что мог сказать мир в ответ на такое решение, ученица знала слишком хорошо. Но могущество, доброта, мудрость и искренность магов Востока и их посланца она чувствовала всей душой, и так благодарна она была сердцем и искренна умом, что это чувствовалось несомненной истиной, и настолько прекрасными и благо-

раживающими и не сравнимыми ни с чем другим были чувства, данные ей этими мистическими учителями, что в сравнении с ними скорее все другое казалось ложным и нереальным.

Странно, как колебания, страх и нравственная трусость могут омрачить жизнь, которая была столь необычайно озарена! И как столь жестокий яд, как сомнение, смог терзать душу неопита.

Но, увы, очень многие уверовавшие поначалу души были погублены тем же грехом. Как много светлых надежд и мечтаний потонули в темной ночи, которую он порождает! К какой бессмысленной растрате сердечного тепла он может привести, и к какой смерти в жизни, разочарованию и отчаянию он ведет!

Поначалу он приходил как таинственное вторжение какого-то душевного присутствия, когда ум занимали другие вещи, его существование почти едва распознавалось и потому игнорировалось. Оно возвращалось снова и снова, пока не стало уже выглядеть нежеланным гостем, визиты которого неприятны и не нужны, но чьи притязания на гостеприимство, многократно оказанное ранее, были вполне законны. Гость, однажды любезно приглашенный, всегда остается возможным благословением или угрожающей опасностью; он уверен в теплом приеме и должен быть принят, хотя бы теплота эта уже и поостыла.

Жестокое и холодное сомнение овладело крепостью нео-

фита, и лишь верность прошлому была достаточно сильна, чтобы сопротивляться его коварным наскокам и презрительным намекам.

Кровоточило ли сердце? Боль от раны была велика, но еще больше было чувство недостойности, сопровождавшее всякое воспоминание об учителе или учении, о великолепных возможностях, теперь упущенных. Навсегда ли? Насколько позволяет понять человеческое суждение – навсегда, но по ясному чувству интуиции – нет, и тысячу раз нет!

Но волна надежды спадала, а темная тень отчаяния весь день нависала над некогда устремленной ученицей. Мир и его заботы потеряли значительную часть своей важности в глазах, уставших от слез и замутненных силой подавленных эмоций. И кто в таком кризисе мог дать утешение? Только тот, чьего присутствия она была теперь лишена, потому что оно следует за безмятежностью ума, которую дает мир, хотя и не часто высоко ее ценит. Безмолвная поначалу борьба все нарастала, становилась острее, и все сильнее было чувство потери посетителей, приходивших в часы покоя, которые полностью оставили одинокую труженицу, не дав никаких объяснений.

Сердце уступало боли и сдавало от внутренней бури, физические силы таяли, источники энергии и устремленности, казалось, иссякли. И кроме собственных «плодов мертвого моря», которые приносило это бедствие, голодную и жажду-

щую душу начинали мучить уже новые сомнения. О беспмятная душа! Почему забыла ты обещание мудреца? Почему в этой борьбе со своим «я» были забыты наставления учителя? Под иными широтами найдешь ты того, кого потеряла, и снова возрадуешься в присутствии тех, кто был им послан. «Смелее», – шептало сердце и этим шепотом пробуждало быстро умиравшие устремления духа. Но сомнение все же гостило в этой умственной обители, причем приходило оно так же вольно, как старый и знакомый посетитель, оставаясь непрерывно, сколько ему угодно.

Прошла зима, и весна пришла обрадовать землю своим напоминанием о лете. Цветы с борьбой пробивались через твердую, холодную землю, а первые птицы запели свои тропливые песни в зябком утреннем воздухе. Из уединенных оврагов слышалось журчание ручьев, а из загонов на склонах холмов доносилось слабое блеяние ягнят. Весна была и на природе, и в городе – время, когда детишки собирают вдоль дорог фиалки, а немногие деревья, которым позволили явить знаки весны, украсились зеленью.

Но в городе это было самым печальным временем из всех двенадцати месяцев, потому что здесь не было всей ее красоты и разнообразия, жизнедающих свойств и приятных предвкушений.

Это была весна молодых сердец и весна надеющихся, вдохновляющая весна, полная обещаний и ожиданий еще не пережитой радости и неиспробованных удовольствий. Ее

тонкое влияние было повсюду, магнетизируя каждую веточку и каждый побег, живые изгороди и залитые водой растения. Обновление сил природы было видно во всем и чувствовалось в лабиринте настроений человеческих сердец. Некоторые натуры обновляют силы каждую весну, молодеют, видя возрождающуюся жизнь растительного царства, но грустны те, кому незнакомо такое обновление сердца и возрождение юных чувств и вдохновений.

Но в большом городе было сердце, чьи двери оказались закрыты к сладкому шепоту весны, чье лучшее «я» было все еще окутано зимней тенью и в чье святилище не доносились музыка и не проникало счастье. Для бедной ученицы, позволившей угнездиться сомнению и развиться отчаянию, все продолжалась постоянная зима. Да и как обретешь мир или красоту с такими гостями? Никто не знал ее внутренней беды, никто не принес лампу, которая могла бы заменить ее тусклый светильник, еле освещавший путь, «покрытый тьмой и охраняемый отчаянием». Но тихий голос продолжал шептать, хотя загрязненный ум слышал его лишь изредка, а душа, похоже, погрузилась в длительный сон. Проснется ли она когда-нибудь?

Останется ли арфа, которой однажды коснулись пальцы учителя, совершенно расстроенной? Будет ли молчать музыка эоловой арфы, невидимо скрытой в зеленых ветвях? Сможет ли душа, однажды ожившая для тайн внутреннего храма, святого святых, забыть свою божественность и сно-

ва стать той жалкой вещью, какой была она в своем невежестве? Может ли стремящийся ученик, однажды слышавший голос учителя, совсем потерять его и больше не думать о его звуках? Голова склонилась над записями, сохранявшимися как священные сокровища, усталое сердце посылало всхлипы сожаления в вечерний воздух, жаждущая душа боролась, стараясь вырваться из своего обиталища, чтобы снова выразиться, а дух, недвижимый в своем внимании, слышал и сердце, и ум, и душу, чьи голоса соединились в один страстный зов о помощи. И этот крик, и громкий, и резкий, и глубокий, пронесся по ночному ветру над холмами далеко-далеко.

Накопленные силы были растрочены. Краткое возбуждение сменилось вынужденным, неестественным спокойствием, предзнаменующим плохое для перенапряженного, истощенного тела.

Придет ли спасение?

Тело спокойно, но это так, потому что агония уже непереносима. Не смерть наступит, но полная тьма, если до безумия безрассудное существо не будет спасено от неминуемой судьбы.

Положит ли забвение конец всему? Или нет той сострадательной силы, способной успокоить взбесившийся мозг и восстановить слабое дыхание?

И вот снова раздался крик, только теперь вернулся в виде эхо, и в нем уже не было той пронзительной энергии, с кото-

рой он был послан, – его журчащий звук был воспринят усталыми чувствами как звук колоколов с высокой горы, слышимый в долине. А за ним последовала чистая и сладкая нота, удивительно похожая на голос, столь долго молчавший, – «приди».

И зов этот нельзя было понять неверно. Ученица выпрямилась, ее глаза загорелись светом, губы воспламенились огнем, и, всеми фибрами дрожавшего и слабеющего тела собрав силы, она послала ликующий крик:

«Учитель, я иду! Твоя воля будет исполнена».

Глава I. Предварительные замечания

Прежде чем приступить к вопросу эволюции человека, удобно было бы кратко сказать, что же согласно эзотерическому учению представляет собой человек. В недавних теософических публикациях утверждалось, что человек состоит из семи начал, или принципов. Но, к сожалению, во многих случаях анализ этот был понят неверно, и создалось впечатление, что семеричный человек – это очень сложная разновидность лукавицы, с которой можно снимать кожуру за кожурой, пока не останется совсем ничего, и что разные принципы, составляющие человека, держатся вместе примерно так же, как элементы в химических соединениях или даже как детали в механических конструкциях. Но в действительности эти принципы лежат на разных планах бытия и потому не могут взаимодействовать между собой таким же образом, как предметы, находящиеся на одном и том же уровне существования. Восприятие каждого из этих принципов подразумевает и требует соответствующего изменения состояния воспринимающего сознания. Нить, соединяющая эти разные принципы в то, что можно назвать единицей сознания, – это индивидуальность, или монада. Но те, кто приняли идеалистический язык, выражают ту же вещь

совсем иначе.

В нашу задачу не входит подробное описание разных принципов человека. Для читателя, знакомого с делением человека на тело, душу и дух, эти страницы не составят трудности. Тело, физический футляр человеческого существа, включает в себя жизненное начало, оживляющее человека точно так же, как и животные, растительные и иные формы существования, которые нет необходимости здесь упоминать. Душа – это тонкий человек, который, когда его видят отдельно от тела, известен как призрак, двойник или астральное тело; он включает в себя астральное соответствие тела, принцип желаний и низшую форму разумности. Дух же состоит из высшей формы разума и духовного Я, осененных Единым Духом, который образует постоянную основу всего существования. Однако человека для удобства часто делят на тело и дух – человека чувственного и сверхчувственного.

Наши почитаемые учителя так говорят об этом:

«Как человек является семеричным существом, так и Вселенная; семеричный микрокосм по отношению к семеричному макрокосму – то же, что капля дождя по отношению к туче, откуда она упала и куда с течением времени она вернется. В Едином заключено столько возможностей к эволюции воздуха, воды, огня и т. д. (от чисто абстрактного до их конкретного состояния), и когда эти последние называются элементами, то это для того, чтобы указать на их производительные способности к бесчисленным изменениям форм

или эволюций существования.

Представим себе неизвестное количество как X; это количество есть единый, вечный, неизменный принцип – a, b, c, d, e – пять или шесть меньших принципов, или составляющих, того же самого – принципы земли, воды, воздуха, огня и эфира (акаша), перечисленные по порядку своей духовности и начиная с самого низшего. Есть шестой принцип,¹ соответствующий шестому принципу в человеке, называемому на Востоке буддхи, но нам не разрешено называть его, кроме как среди посвященных. Все же я могу намекнуть, что он связан с процессом высшего разума. Назовем его N. И помимо этого, за всеми видами деятельности мира явлений стоит возбуждающий импульс от X, назовем его Y. Потому, будучи выражено алгебраически, наше уравнение читается так: $a + b + c + d + e + N + Y = X$. Каждая из первых шести букв представляет, так сказать, дух или абстракцию того, что вы называете элементами (ваш скудный английский язык не дает мне другого слова). Таким образом, каждый дух управляет всей линией эволюции в собственном отделе по всему циклу космической деятельности, наполняя, оживляя, развивая причины, стоящие за бесчисленными проявлениями в соответствующем отделе природы.

¹ Чтобы избежать путаницы, запомните, что при рассмотрении этого вопроса со стороны нисходящей шкалы абстрактное Все, или вечный принцип, будет численно обозначен как первый, а мир явлений – как седьмой, принадлежит он человеку или же Вселенной; а при рассмотрении с другой стороны порядок чисел будет обратным.

Поясним эту идею на одном примере. Возьмем огонь, D – огненный первопринцип, пребывающий в X, – это первопричина каждого феноменального проявления огня на всех планетах цепи. Ближайшие причины суть эволюционировавшие второстепенные огненные посредники, которые строго контролируют семь нисхождений огня на каждой планете. У каждого элемента есть свои семь принципов, а у каждого принципа – свои семь подпринципов, и эти второстепенные посредники, в свою очередь, должны стать уже непосредственными причинами.

D – семеричная совокупность, в которой высшая часть – это чистый дух. На нашей планете мы видим его в самом грубом, наиболее материальном состоянии, по-своему столь же плотном, как и человек в своей физической оболочке. На планете, предшествовавшей нашей, огонь был менее плотен, чем здесь, а на другой, перед предыдущей, – еще менее. Таким образом, на каждой предшествующей планете субстанция пламени была все более чистой и все менее плотной и материальной. На самой первой в цепи цикла она появилась как почти чистое объективное *сияние* – Махабуддхи, шестой принцип *вечного света*... На каждой планете цепи существуют семь проявлений огня, из которых первый по порядку будет сравним по своему духовному качеству с последним проявлением на предшествующей планете; а на противоположной (восходящей) дуге, как вы можете заключить, процесс пойдет в обратном направлении. Мириады специфиче-

ческих проявлений этих шести мировых элементов, в свою очередь, – лишь ростки, ветви или ответвления единого первичного древа жизни».²

Семеричное деление, принятое разными школами эзотерической философии, во многих случаях навлекало на себя обвинение в произвольности. Однако более близкое знакомство с предметом убедит исследователя в строго научном характере этого метода классификации. Следуя мистикам-идеалистам, мы можем разделить весь спектр существования на разные состояния сознания, у каждого из которых свои объекты постижения или функции. Согласно этим философам, область бытия совпадает с сознанием, и абсолютная бессознательность есть абсолютное небытие. К тому же даже из обычного опыта видно, что сознание проявляется в трех разных состояниях, а именно: бодрствования, сновидения и глубокого сна без сновидений. Первые два состояния признаются всеми, последнее же требует нескольких слов объяснения. Верно, что в моменты бодрствования можно иметь некоторое представление о сознании сновидений, но не о сознании сна без сновидений. Но его существование, тем не менее, доказывается тем, что идентичность «я» после такого сна не теряется и начало и конец этого сна нанизаны на одну нить сознания. Случись хотя бы на мгновение прекращение всякого сознания, тогда не было бы никакой мыс-

² Впоследствии это письмо было целиком опубликовано в сборнике «Письма махатм» под № 66. – *Примеч. пер.*

лимой причины к его последующему возобновлению. Помимо этих трех состояний, и мистики в этом не сомневаются, есть и четвертое состояние сознания, которое можно назвать трансцендентальным.³ Его проблески можно обрести в состоянии необычайного экстаза.

Что же до объектов восприятия этих состояний сознания, то легко видеть, что они охватывают весь спектр бытия. Все, что допускает восприятие чувствами, принадлежит первому состоянию сознания, которое обусловлено знакомыми нам представлениями о времени и пространстве. Объекты, воспринимаемые в снах, хотя для спящего и обладают всеми признаками реальности, не тождественны объектам бодрствующего сознания, хотя и подобны им. Представления спящего человека о времени и пространстве отличны от представлений бодрствующего. Изменение этих представлений подразумевает и соответствующую перемену в природе объектов, характерных для этой реальности. Скупец, которому снится, как он копит богатства, переживает столько же удовольствия, как и от тех богатств, которые радуют его глаза в бодрствующем состоянии. Однако по пробуждении эти богатства, добытые во сне, не возбуждают у него интереса. Аналогично, во сне тот факт, что по пробуждении накопленные богатства не сохранятся, признается лишь на мгновение и тут же изгоняется из ума, если осознается вообще, и спящий только глубже погружается в созерцание мнящих-

³ Эти состояния называются джаграта, свапна, сусуппти и турия. – *Примеч. пер.*

ся ему предметов. Последнее явление замечалось всеми, кто уделял хоть какое-то внимание своим снам и законам, которые ими управляют. Объекты, воспринимаемые бодрствующим сознанием, обычно называются материальными, а их соответствия, воспринимаемые спящими, называются астральными, если принять терминологию Парацельса и согласных с ним мыслителей. Объекты двух других состояний сознания, лежащие в стороне от нашей нынешней темы, здесь достаточно упомянуть лишь мимоходом.

Вряд ли необходимо указывать, что вышеупомянутые четыре состояния сознания вовсе не отделены друг от друга непроходимыми пропастями, но находятся в тесном взаимоотношении и составляют единое целое. Небольшое размышление покажет нам, что эти четыре состояния, совмещенные нижеуказанным способом, дадут шесть состояний, а их синтез будет седьмым. Если представить эти состояния четырьмя точками квадрата, а комбинации – его сторонами и диагоналями, то этих комбинаций будет всего шесть, а сама фигура целиком будет седьмой. Результат комбинации, рассматриваемый отдельно от составляющих, можно представить кругом, описывающим квадрат. В этом символе, происходящем из глубокой древности, круг означает бесконечное Все, из которого происходит все проявленное существование, представленное здесь квадратом и его диагоналями. Потому нахождение *квадратуры круга* иногда используется как символ процесса эволюции.

Взаимозависимость субъекта и объекта познания будет ясна из вышеизложенных соображений. Семь состояний сознания, рассматриваемых по отношению к субъекту, человеку, – это семь его индивидуальных принципов, а по отношению к объекту, материи, – это семь универсальных космических принципов. Седьмой принцип, однако, в каждом из этих случаев включает в себя остальные шесть, и хотя он образует последний пункт в обеих этих классификациях, на самом деле один и тот же. В бесконечном субъект и объект сливаются друг с другом.

Каждый из этих принципов разделяется на семь, и каждое из делений снова подразделяется так же; фактически семеричное подразделение продолжается бесконечно. Наш почитаемый Учитель сказал по этому поводу: «Когда бы перед вами ни предстал какой-либо вопрос об эволюции или развитии любого из царств, постоянно помните, что в серии этих соответствий и взаимосвязей по всей природе все подпадает под правило семеричности». Число семеричных подразделений бесконечно, и потому никакая номенклатура не способна дать истинные взаимосвязи всех частей. Но если принять предосторожность против перекрестного подразделения, то каждая семеричность окажется совершенной в себе самой, а понимание одной семеричности позволит легко продолжить исследования назад и вперед, следуя закону соответствий.

Есть в этих семеричных подразделениях одна особенность, которая требует особого упоминания. Прослеживая

тот процесс, путем которого из предшествующих состояний было достигнуто нынешнее состояние человека и его вселенной, начинать нужно с другого полюса. Нынешнее состояние объектно (предметно) и материально, потому отправная точка должна быть субъектной и духовной. Однако не следует забывать, что термины эти относительные, а не абсолютные. В предельной реальности дух и материя тождественны, и в связи с этим материя – это то, что Кант назвал объективной реальностью, а дух – абстрактное сознание. Мистические философы утверждают, что предельная реальность – это абсолютное сознание, которое имеет объективное существование и не является несущностным и нереальным. Если говорить языком некоторых философов-ведантистов, то предельная реальность – это мистический союз пракрити (материи) и пуруши (духа).

Но вернемся же от абстрактных метафизических рассуждений, которые не должны задерживать нас более чем необходимо, к объяснению той темы, которая нас непосредственно занимает. В каждой семеричности первым и последним будут соответственно материя и дух или же дух и материя – в зависимости от того, смотрим мы на это с точки зрения эволюции или инволюции. Процесс эволюции бесконечен, и последний принцип всегда должен выработать себя до первого, но на более высоком плане – ведь если бы кривая эволюции замыкалась на себе, процесс пришел бы к концу. Подходящий символ эволюции – это не круг, а вечно продвигающа-

яся спираль.

Эволюция, или проявление единого постоянного нумена в бесконечное множество феноменов-существований, включает в себя представление о циклах и может быть понята, лишь если изучать конкретный и определенный период времени. Во вселенной явлений, как мы обнаруживаем, нет такого момента времени, для которого нельзя было бы назначить предыдущий. Потому ясно, что предмет, существующий в любой конкретный момент, должен был обязательно существовать ранее в той или иной форме. Предсуществующая форма называется причиной последующей, и дальнейшие размышления покажут нам, что причина и следствие различаются лишь по форме, но тождественны по сути и что следствие всегда содержит в себе свою причину. Одно из основополагающих утверждений восточных философских систем состоит в том, что следствие есть раскрытие причины во времени. И единственный способ, которым сложные для понимания факты духовной эволюции человека можно представить широкому читателю, – это дедуктивный вывод из универсальных истин, касающихся природы его сознания. Потому для верного понимания предмета эти метафизические истины следует всегда помнить.

Эволюция, как мы убедились, допускает изучение своего хода лишь на протяжении какого-либо конкретного периода, и этот период времени размечается на циклы и подциклы соответственно развитию семи принципов и их бесконеч-

ных семеричных подразделений. Существующая литература, излагающая эзотерическую доктрину, раскрывает лишь одну главу великой книги эволюции – период нашей планетной манвантары. В начале этого периода материальная или, скорее, объектная природа человека медленно выявляется из своего духовного или субъектного состояния, а достигнув своего завершения, вновь возвращается к духовному бытию. Дородовое духовное состояние человеческой вселенной таково, что может считаться субъективным для всех «я», которые в любом смысле могут быть названы человеческими.

Эволюционный процесс, продуктами которого мы являемся, для своего полного раскрытия требует семи планет, соответствующих семи принципам человеческой вселенной. Эволюция всей системы слишком сложна и обширна, чтобы описать ее в пределах любого разумного объема. Можно проследить лишь малую ее часть, оставив изучающему самостоятельное рассмотрение остального с помощью закона соответствий.

Уже было сказано, что планетная манвантара, как и весь спектр включенного в нее существования, подразделяется на бесконечное количество семеричностей. Помня это, а также тот факт, что эволюционный процесс идет спирально, причем перемежающимися периодами сравнительной активности и покоя, предмет будет уже легче понять. Для нашей нынешней цели мы можем считать процесс эволюции спиралью из семи витков. Исходя из духовного или субъектного состо-

нения, которое для нас, заключенных в материю «я», представляется полной пустотой, развивающееся существование описывает первый виток спирали, производя первого представителя духовной жизни в материальной, или вещественной, вселенной. Это – первый принцип нашей планетной системы. Для существа, чьему познанию доступно дородовое духовное состояние нашей вселенной и которое может его объективно воспринимать, этот первый принцип будет аналогичен первому духовному принципу, ибо закон семеричности действует в духовном существовании так же, как и в материальном. Но для другого, чье восприятие не проникает далее первого материального принципа, все семь духовных принципов будут представлены в нем одним. Следующая волна эволюции, дающая второй принцип, представляется витком, который потенциально содержался в первом, будучи в непроявленном состоянии, и который, в свою очередь, сам содержит первый виток – как следствие, содержащее в себе свою причину. То же соотношение продолжается по всей эволюции. Если же перейти к частностям, то каждый из семи витков в действительности сам представляет собой спираль из семи витков, между которыми поддерживаются те же взаимосвязи, что и у главных витков, и далее все подразделения продолжают подобным же образом. Принятая нами иллюстрация равно приложима как к развившимся принципам и подпринципам, так и ко времени, занятому их эволюцией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.